

АРТУР АСТВУД АЛЫЙ

ЕГО СТОЛИК У ОКНА

КАФЕ, КОТОРОЕ
ЕГО ПОМНИТ

18+

Артур Аствуд АЛЫЙ

Его столик у окна

«Автор»

2026

Аствуд Алый А.

Его столик у окна / А. Аствуд Алый — «Автор», 2026

Он приходил в кафе дважды в неделю. Всегда у окна. Всегда с ноутбуком. Всегда один. Сотрудники считали его талисманом. Посетители – странным молчаливым парнем. А он просто пил кофе, смотрел на город и иногда – очень тихо – менял чужие жизни... Потом он пропал. Остался лишь потрепанный блокнот, который случайно попал в руки молодого официанта. Внутри – обрывки мыслей, записи о дожде и любви, о страхе и мечтах. И чем дальше Лёша читает, тем яснее понимает: парень у окна был не просто завсегдатаем. Он был той самой паузой, которой всем так не хватает. Теперь Лёше предстоит найти людей, которым он помог. И, возможно, впервые в жизни – понять, зачем пишут книги. «Его столик у окна» – роман о памяти, негромком свете и человеке, который не оставил после себя ничего, кроме чужих историй.

© Аствуд Алый А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Блокнот	5
Свет над дальним столиком	7
Дождь. Любовь. Метро	10
Что бы вы сделали, если бы не боялись	13
Человек-сеть	17
Комната внутри	21
Возвращённые награды	23
Я всё сам	25
Портрет	28
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Артур Аствуд Алы

Его столик у окна

Блокнот

Курилка находилась в дальнем конце служебного коридора, за складом и лестницей, ведущей в подвал. Туда редко кто заходил днём – только персонал, и то мельком, между смежами. Воздух там был спёртый, пропитанный старой штукатуркой, остывшим кофе и ещё чем-то сырым, что не выветривалось даже летом. Окно, приоткрытое настежь, выходило на глухую стену соседнего дома, но сегодня в проёме угадывался дождь – невидимый с этого угла, но слышный по каплям, барабанившим по отливу.

Серёга стоял, привалившись плечом к подоконнику, и курил. Держал сигарету не как обычно – между указательным и средним, а всей ладонью, будто хотел согреть пальцы. Он не смотрел на Лёшу. Смотрел вниз, на мокрый асфальт, на разводы от капель, на тусклый свет из кухни, падавший в лужу.

Лёша сидел на перевёрнутом пластиковом ящике, вытянув ноги. У него болела спина после восьми часов за стойкой, и он массировал большим пальцем запястье – там, где от ручки оставался красный след. Он ждал. Не торопил.

– Я всё, – наконец сказал Серёга. – Отработал.

Голос у него был глухой, как будто он говорил не Лёше, а самому себе. Он затянулся, дым вышел тонкой струйкой в приоткрытое окно, и тут же сквозняк унёс его наружу.

Лёша кивнул. Не потому, что было нечего сказать, а потому что всё уже было сказано за последнюю неделю. Серёга и раньше уходил – правда, всегда на два часа, не насовсем. Но в этот раз он не снял фартук второпях, не бросил его на крючок. Он аккуратно сложил его ещё утром, положил на край стола и не притронулся больше.

– Понимаешь, – начал Серёга и снова замолчал.

Он выдохнул дым, провёл ладонью по лицу, будто смахивал что-то невидимое. Потом полез во внутренний карман куртки, висевшей на крючке у двери. Достал оттуда блокнот.

Это был не ежедневник, не тетрадь. Скорее то, что когда-то было блокнотом в твёрдой обложке, а потом обросло изнутри. Страницы торчали вкривь и вкось: сложенные пополам салфетки, обрывки чеков, клочки с напечатанным текстом, чьи-то рисунки на полях. Всё это было втиснуто между родными страницами так, что обложка уже не закрывалась до конца. Кое-где по краям шли пятна от кофе.

– Это его, – сказал Серёга.

Лёша не сразу поднял взгляд. Его рука замерла на запястье, палец остановился. В курилке повисла тишина, и только дождь продолжал шелестеть по подоконнику.

– Забыл в последний свой день. Я хотел сначала на стол положить, – Серёга качнул блокнот, и из него едва не выпал пожелтевший билет на автобус. – А потом подумал... ну, вдруг придёт. Или передаст кто. А потом уже сам знаешь.

Он не договорил. Лёша и сам знал.

В кафе «Монетка» он не был завсегдатаем в полном смысле. Никто не знал его имени. Но он был. Это невозможно было объяснить. Просто если ты работал здесь больше месяца, ты начинал его замечать. Он всегда садился за один и тот же столик – в углу у окна. Всегда в среду и субботу. Всегда с ноутбуком. И всегда смотрел в окно с таким лицом, будто не просто смотрел, а отсутствовал внутри себя.

– Ты же на писателя учился? – спросил Серёга.

– Учусь, – ответил Лёша, хотя это слово почти не имело отношения к правде. Он давно не открывал лекции. Ещё дольше не писал ничего, кроме списков продуктов и постов в старом телефоне.

– Тогда правильно будет – тебе.

Серёга шагнул ближе и протянул блокнот. Лёша взял его, и тяжёлая бумага легла в ладонь, как чужая рука. Блокнот был тёплым – от куртки, от кармана, от того, что Серёга держал его при себе.

– Мне кажется, ты найдёшь, что с этим делать, – тихо добавил Серёга.

Лёша провёл пальцем по корешку. Ткань обложки протёрлась до основы. На уголках – мелкие заломы, будто блокнот не один раз роняли или прижимали к груди во время дождя.

Серёга затушил сигарету о жестяной край пепельницы, ещё раз провёл взглядом по комнате, будто прощался не только с кафе, но и с этим углом, с этим окном, с этим воздухом.

– Только вот что... – сказал он, уже у двери.

Остановился. Овернулся не сразу. Сначала посмотрел в окно, за которым шёл дождь, хотя солнце всё ещё висело над крышами – странное, низкое, будто летнее, но уже чужое. Свет падал на мокрый асфальт, дробился в каплях.

– Когда прочтёшь, не говори, что я не предупреждал.

– А что там? – спросил Лёша.

Серёга снял куртку с крючка, перекинул через руку. Лицо у него было усталое, но не злое. Скорее – пустое, как у человека, который долго носил в себе слишком много и наконец высыпал.

– Сказать, что мой мир перевернулся, – это сильно преуменьшить. Если готов это пережить – читай.

Он уже взялся за ручку двери, но вдруг замер. Постоял пару секунд, глядя куда-то в тёмный угол, где на стене висел старый график смен, исписанный карандашом.

– И ещё, – сказал он, не оборачиваясь. – Ты бы нашёл тех, кому он помог.

– Кого?

– Посетителей. Тех, кто с ним хоть раз говорил. Кого он вытащил. Понимаешь, там ведь не одна история. Их много. Они все ещё живут, ходят мимо, даже не знают, что без него всё могло быть иначе.

Серёга повернулся. Взгляд у него был спокойный, но очень прямой.

– Кто-то должен сохранить эти воспоминания. А если не ты, то кто?

Он развернулся и вышел. Дверь мягко закрылась, и шаги стихли в коридоре.

Лёша остался один.

В куртке стало тихо. Только дождь. И солнце.

Он ещё раз посмотрел на блокнот. Провёл ладонью по обложке, будто проверяя, не помешалась ли тяжесть. Потом поднялся с ящика, шагнул к окну и выглянул наружу.

Дождь шёл не сплошной, а рваный – то припускал, то затихал, и в просветах между каплями пробивался солнечный свет. Так бывает в конце смены, когда уже не разберёшь, какое сейчас время суток.

Лёша подумал, что Серёга прав. Что-то в этом было.

И он сказал шёпотом, не разжимая губ:

– Ты тоже был как эта погода. Грустный... но светлый.

Сказал – и сам не понял, почему именно сейчас.

Свет над дальним столиком

Конец смены наступал не по часам, а по ощущению. Когда за последним гостем мягко закрывалась входная дверь, когда в зале оставался только ровный шум холодильника и приглушённый стук тарелок с кухни, тогда и начиналось то странное время, которое никто не называл вслух. Время между. Между шумным днём и пустой ночью, между ролью официанта и обычной усталостью.

Лёша выключил подсветку над витриной. Потом ещё раз прошёлся по залу – не потому, что надо было, а чтобы оттянуть момент, когда он останется наедине с блокнотом. Он поправил салфетки на пустых столах, перевернул меню, сложил стулья. Всё это он делал уже на автомате, как делал сто раз до этого, но сегодня каждое движение казалось чуть более важным. Будто кафе следило за ним.

Под конец он снял фартук, повесил его на крючок за стойкой и вытер руки о джинсы. Свет в зале оставил только над дальним столиком – тем самым, у окна. Он сам не понял, почему выбрал именно его. Может, потому что ноги сами привели.

Сел. Блокнот лежал перед ним. Обложка всё так же топорщилась от вложенных салфеток и обрывков. Лёша не открывал его, не трогал. Просто смотрел.

За окном шёл дождь. Теперь уже обычный, вечерний, без солнца. Стекла запотели с той стороны, и уличные фонари расплывались в каплях жёлтыми пятнами.

Лёша начал медленно постукивать пальцами по столу – безымянный, указательный, снова безымянный. Этот ритм он слышал где-то в детстве, может, от отца. Тот тоже всегда стучал, когда думал.

Кто бы мог подумать, подумал Лёша. Один посетитель. Без имени. Без особых разговоров. А стал для всех чуть ли не частью семьи. Смешно. Даже не знаем, как его зовут. Но знаем, какой кофе налить, какое печенье положить. Знали, что в среду он будет к трём, а в субботу к двенадцати. Знали, что в дождь он сидит дольше. Знали, что после шести он не ест, только пьёт воду.

А больше – ничего.

Лёша провёл ладонью по лицу, будто снимал усталость. Потом взял блокнот. Взвесил в руке. Открыл первую страницу.

Она была исписана мелким, но не рваным почерком. Буквы стояли плотно, кое-где чернила расплылись от капли кофе. Верх записи был смазан – дата осталась только «август», число исчезло под коричневым пятном.

Август

Сегодня узнал новость. Не буду писать какую. Просто... она была неожиданной. Даже не знаю, как описать. Всё внутри как-то сжалось, а потом стало тихо. Слишком тихо.

Зачем я вообще завёл дневник? Наверное, потому что мне тяжело. И странно: у меня много друзей. Правда, много. Но ни с кем не могу поделиться. Не то чтобы не доверяю. Просто не знаю, как начать. А тут хотя бы бумага. Она не перебивает.

Сегодня случайно набрёл на кафешку. Шёл, не глядя, и вдруг – дождь. Не сильный, но колючий. Зашёл в первое попавшееся место. Называется вроде «Монетка». Там всё стилизовано под старую таверну. Деревянные балки, тёплый свет, пахнет выпечкой и чем-то пряным. На стенах – старые фотографии, часы с римскими цифрами, полки с бутылками. Всё как будто из другого времени.

Приметил столик у окна. Думаю, он будет моим любимым. Оттуда видно улицу и не видно дверь. Почему-то это важно.

Я промок, но не жалею. Если бы не дождь, вряд ли бы зашёл. А тут хорошо.

Кофе оказался крепким, но не горьким. А печенье – как в детстве. С молочным привкусом. Не знал, что такое ещё пекут. Откусил – и на секунду стало так, будто мне снова восемь, и бабушка ставит тарелку на стол. Смешно, как одна вещь может вернуть тебя на двадцать лет назад.

Скучаю по тем временам. Там было проще. Но я не жалею.

Решил: доделаю проект. Честно, не знаю, сколько у меня времени. Но я должен успеть. Всегда мечтал сделать что-то прекрасное для страны. Не для абстрактной – для той, которая дала мне шанс. Учёба, социальные лифты, возможности. Можно говорить, что угодно, но меня это вытаскило. Из нищеты, из одной комнаты на пятерых, из вечной мысли, что я так и останусь никем.

Если этим пользоваться, можно выбиться. Я выбился. Теперь хочется отдать.

Обещаю себе: успею.

Запись обрывалась. Дальше шла чистая страница, лишь внизу – след от доннышка чашки. Лёша сидел не шевелясь. Он читал, не переворачивая лист. Слова ещё стояли перед глазами. Особенно последнее: «успею».

Почему-то от этого слова было тревожно.

Он поднял взгляд к окну. Дождь не затихал. Лёша закрыл блокнот, но ладонь оставил на обложке, будто не давал чему-то уйти.

– Лёш?

Он не сразу понял, что его зовут. Голос прозвучал из глубины зала, приглушённый, но всё ещё знакомый. Лёша повернул голову.

В дверях подсобки стояла Вера. Она уже сняла фартук, но ещё не распустила волосы – они были собраны в небрежный пучок, из которого сбоку выбилась прядь. Вера щурилась от тусклого света и слегка улыбалась.

– Ты чего здесь сидишь? Домой не идёшь?

Лёша не ответил. Он просто сидел, прижимая ладонь к блокноту, и смотрел на неё, как будто его застали за чем-то стыдным.

Вера подошла ближе. Пол в зале поскрипывал под её шагами, а дождь всё так же стучал по подоконнику. Она остановилась у столика и только теперь заметила, что Лёша сидит не где-нибудь, а в том самом углу, у окна.

– Ты чего... – начала она и осеклась.

Взгляд упал на блокнот.

Она не сразу поняла. Просто смотрела на обложку с торчащими салфетками, на заломы, на пятно у корешка. А потом лицо её сделалось мягче. Уголки губ дрогнули, но не в улыбке, а в чём-то ещё.

– Серёга всё-таки отдал его тебе, да? – спросила она.

Голос был негромким, как будто она боялась спугнуть тишину.

Лёша кивнул.

Вера медленно опустилась на соседний стул – не напротив, а наискосок, как садятся, когда не хотят вытаскивать человека из его мыслей. Она положила руки на стол, переплела пальцы и посмотрела в окно.

– Помню, как он сюда впервые зашёл, – сказала она. – Промокший насквозь. Дождь был сумасшедший. Он встал у входа и так оглядывался, будто не верил, что попал в кафе, а не в чей-то дом. С него капало на пол. А он извинялся. Всё извинялся.

Она замолчала, но ненадолго.

– А потом стал приходить. Каждую среду. Каждую субботу. Сначала его никто не напоминал – мало ли людей заходят. А потом... знаешь, как это бывает? Вроде ты работаешь, устал,

на смене бардак, а он сидит у окна, и всё как-то спокойнее. Не потому, что он что-то говорил. Просто был.

Вера сжала пальцы. Взгляд у неё был где-то между окном и отражением.

– Он стал у нас кем-то вроде талисмана. Если он пришёл – день сложится. Глупо, да? Но многие так думали.

Она снова замолчала. Лёша не перебивал.

– Я слышала, хозяин хочет над этим столиком табличку повесить. Маленькую такую. «Его столик у окна». Вроде мелочь, а вот...

Вера перевела взгляд на блокнот, потом на Лёшу.

– Вроде мелочь, а из таких мелочей и складывается жизнь, – повторила она. – Я вот до сих пор не понимаю, почему у него не было соцсетей. Такой милый внешне. Его многие знали, любили. Был бы популярным.

Она усмехнулась – тихо, не зло.

– А он сидел тут, пил свой кофе и смотрел в окно.

Пауза повисла между ними, как дождь за стеклом – не тяжёлая, но ощутимая.

– А что ты с этим будешь делать? – спросила Вера.

Лёша перевёл взгляд на блокнот. На обложке остался след от его ладони.

– Может, для начала дочитаю, – сказал он. – А потом решу.

Вера кивнула. Поднялась со стула, поправила выбившуюся прядь, чуть сжала плечо Лёши – едва, по-дружески.

– Пойдём. Уже поздно.

Лёша ещё секунду смотрел на блокнот. Потом встал, взял его под мышку и выключил свет над столиком.

За окном всё шёл дождь, но теперь он был не колючим, а мягким, почти засыпающим.

Дождь. Любовь. Метро

Они вышли из кафе в сырой московский вечер. Дождь уже почти закончился, но воздух был насквозь мокрым, и от асфальта поднимался лёгкий пар. Где-то над крышами ещё ворчал гром, далёкий, как уходящий поезд. Вера натянула капюшон, поправила лямку рюкзака и сказала:

– Я на электробус. Ты в метро?

– Ага.

Они пошли по переулку, стараясь не наступать на разбитые плитки. Из-под ног летели мелкие брызги. Лёша нёс блокнот под мышкой, прижимая его к боку, будто боялся, что дождь вернётся и заберёт у него эти страницы.

На остановке Вера попрощалась коротко, не оглядываясь. Она вообще была такая – не любила долгих прощаний, говорила, что от них только грустнее. Электробус подъехал почти сразу, мягко зашипел, открыл двери. Вера махнула рукой, не глядя.

Лёша свернул к метро.

Станция была старая, с коваными арками и запахом нагретого камня. Спускаясь по эскалатору, он смотрел на лампы, что тянулись вдоль наклона, как маленькие луны. Людей почти не было. Только вдалеке женщина с сумкой на колёсиках и мужчина в наушниках, прикрывший глаза.

Лёша любил метро именно в такое время. После одиннадцати оно становилось похоже на музей, который забыли закрыть. Поезд приходил тихо, и гул его казался не шумом, а дыханием подземелья.

Он сел у окна. Вагон был пустой, только в конце кто-то читал с телефона. Лёша откинулся на спинку и закрыл глаза.

Ехать час. По прямой.

Поезд качнулся, тронулся, и свет за окном поплыл сначала медленно, потом быстрее. За стеклом мелькали тёмные перегоны, редкие огни, отражение его собственного лица – усталое, но спокойное.

Он открыл блокнот.

Вторая запись была чуть длиннее. Почерк ровнее, как будто в тот день его рука не дрожала.

Уже как-то свыкся с прошлыми новостями. Жизнь продолжается. Главное – есть цель. Пока она есть, всё остальное можно пережить.

Сегодня суббота. Всю неделю шли дожди, но сегодня он другой. Приятный. Тёплый. Согревающий. Я сидел у окна и смотрел, как капли стекают по стеклу, и впервые за долгое время не хотелось никуда бежать.

Напротив, у тротуара, стояли двое. Мальчик лет шести или семи. И девочка, его ровесница. Они были без зонтов, но не потому, что забыли. Они прыгали по лужам. Не боялись. Смеялись. Мальчик что-то показывал ей руками – не то самолёт, не то птицу. А она смотрела на него так, как умеют смотреть только в детстве: честно, без оглядки.

Я подумал: вот оно. Самое настоящее.

Они не знают, что такое любовь. Но они уже в ней. В этом прыжке через лужу. В ладони, которой он машет ей, хотя не нужно. В том, как она ждёт, пока он первым пойдёт дальше, и идёт следом.

Мы разучились так. Мы вообще многое разучились. Мы забили каждую секунду шумом, чтобы не оставаться наедине с собой. И вместе с этим разучились любить. Не в смысле

романтики из фильмов. А в простом: отдавать себя другому. Вкладываться. Ждать. Терпеть неудобство.

Любовь стала сервисом. Она должна быть удобной. Если что-то не совпало – смахнул в сторону, взял новое. Но это не любовь. Это потребление.

Настоящая любовь – это когда вам уютно молчать. Когда ты не ищешь замену, потому что здесь и сейчас – уже всё есть. Это навык. Мы его почти утратили. Но его можно вернуть. Нужно только научиться снова выдерживать паузу. Не убежать в телефон. Не заполнять тишину словами. Просто быть.

Скука и любовь связаны. И то и другое – про паузу. Про «я выбрал тебя и не свайпаю дальше».

Когда-то давно я умел это. Кажется. Наверное, поэтому та сцена за окном так меня зацепила.

Они прыгали по луже и не думали, как это выглядит. Им было просто хорошо.

Может, любовь – это и есть умение прыгать по лужам, не думая, кто смотрит.

Поезд качнуло на стрелке. Лёша отвёл взгляд от страницы.

За окном снова мелькал перегон, и в чёрном стекле отражался всё тот же человек – молодой, уставший, с чужим блокнотом на коленях.

Он задумался.

Запись была странной. Нет, не по слогу – по глубине. Так пишут не люди, которые хотят казаться умными. Так пишут те, кто долго молчал и наконец прорвало. Лёша знал это чувство, но не умел удержать его на бумаге. А этот парень умел.

Ему было интересно, сколько же лет этому человеку. Серёга говорил, на вид около двадцати пяти. Может, чуть больше. Лёше самому было двадцать два, и он не представлял, что его ровесник может так спокойно, без пафоса, рассуждать о любви, о паузах, о том, что мы разучились ждать. Без цитат из книг. Без позы. Как будто просто записал то, что долго крутил в голове.

А ведь Лёша знал его всего полгода. С апреля, кажется. Пришёл в «Монетку» подрабывать, потому что нечем было платить за съём, и попал в этот маленький мир, где все друг друга знали по именам, но не лезли в душу. И в этом мире был он. Парень у окна.

Лёша не сразу его запомнил. Тот был из тех людей, которых не замечаешь с первого раза. Ни громкого голоса, ни яркой одежды, ни привычки разговаривать по телефону на весь зал. Он просто садился в угол, открывал ноутбук и смотрел в окно. Иногда писал что-то. Иногда замирал с кружкой в руке и не шевелился так долго, что Вера шутила: «Он у нас медитирует».

Но Лёша полюбил его. Не за поступки. А за то, как он был.

За то, как он поднимал глаза, когда кто-то здоровался. За то, как аккуратно складывал салфетку, если капал кофе. За то, как оставлял чаевые, не пересчитывая сдачу. За то, что в дождь он приходил насквозь мокрый, но никогда не жаловался. Просто садился у окна, будто дождь – это часть его маршрута.

Лёша помнил один вечер. Ему тогда было особенно тошно. Утром он поругался с отцом по телефону. Днём на смене уронил поднос с посудой. А вечером, когда кафе почти опустело, он увидел, что парень уснул прямо за столиком. Лоб прижат к стеклу, ладони спрятаны между колен. Ноутбук давно погас.

Лёша подошёл не сразу. Сначала просто стоял у стойки и смотрел. А потом тронул его за плечо. Легонько.

– Эй. Вы задремали.

Парень вздрогнул, открыл глаза, но не испугался. Медленно выпрямился, потёр переносицу.

– Спасибо, – сказал он хрипло. – Видимо, выключило.

Лёша хотел уйти, но почему-то не ушёл. Он стоял и переминался с ноги на ногу, пока парень не посмотрел на него внимательнее.

– Тяжёлый день? – спросил он.

И это было сказано не для галочки. Он не отвёл взгляд.

– Немного, – ответил Лёша.

Парень кивнул, как будто этого достаточно. Потом перевёл взгляд на окно, за которым уже стемнело, и сказал:

– Вам не шибко нравится эта работа.

Лёша тогда растерялся. Он не ждал такого прямого попадания. Хотел отшутиться, но вдруг сказал правду:

– Нет. Я вообще-то на писателя учился. А сюда пришлось. Семейные обстоятельства.

Последнее слово он произнёс так, будто извинялся.

Парень не стал его жалеть. Не стал говорить «ну, бывает» или «держись». Он задумался. Постучал пальцем по ободку чашки.

– Знаете, – сказал он наконец, – писателю нужны сюжеты. И чувства. А официант – одна из тех профессий, где можно быть сторонним наблюдателем. Вы видите людей такими, какие они есть. Уставшими, растерянными, влюблёнными, злыми. Это же готовая проза.

Лёша тогда усмехнулся:

– По-вашему, я должен радоваться, что раздаю пирожные?

– Нет, – парень покачал головой. – Не радоваться. Использовать. Может быть, судьба дала вам тот самый шанс, о котором вы просили. Только он выглядит не так, как в книжках. Не как письмо из издательства. А как поднос с грязной посудой.

Он сказал это без улыбки, но и без назидания. Просто как человек, который сам когда-то прошёл похожий путь.

Лёша запомнил этот разговор. Не сразу, но запомнил. А сейчас, сидя в пустом вагоне с чужим блокнотом на коленях, он вдруг почувствовал, как тот разговор всплывает изнутри. Без усилий. Как будто всё это время ждал подходящей паузы.

Может, парень был прав.

Может, его записи и его история – и есть тот самый сюжет, о котором он говорил. Не вселенский, не из «Марвелы», не из «Властелина колец». Тут нет кольца, которое надо уничтожить. Нет героя, спасающего мир. Но есть живой человек. Обычный парень, у которого были цели. И мечты. И странная привычка приходить в кафе по средам и субботам.

И он умер. Или ушёл. Или просто исчез. Но остались люди, которые его помнят. Остался этот блокнот. Остался столик у окна.

Лёша сжал блокнот в руках.

Может, ему стоит написать эту книгу?

Не для славы. Не «великий роман». А просто чтобы не исчез человек. Чтобы хоть кто-то, кто никогда не был в «Монетке», узнал, что был такой парень. Сидел у окна. Пил кофе. Смотрел на дождь.

Что бы вы сделали, если бы не боялись

Прошло несколько дней.

Суббота пришла в город без солнца, но и без дождя. Небо висело низкое, ровное, как натянутая простыня, и в воздухе стоял тот особый осенний запах – мокрого камня, остывших листьев и где-то далеко – нагретого хлеба из чужой пекарни.

В «Монетке» было пусто. Старые деревянные балки под потолком, потемневшие от времени, упирались в стены с неровной штукатуркой. На полках вдоль барной зоны стояли бутылки с сиропами, жестяные банки с чаем, потёртая гипсовая голова оленя с отбитым ухом – не то как шутка, не то как остаток прежнего интерьера. Под потолком тихо крутилась тёмная лопасть вентилятора. В зале пахло кофейной гущей, лимонной цедрой и сырым деревом от подоконников.

Утро принадлежало персоналу. С кухни доносился стук ножа по доске – это Вера резала зелень. Артём возился у плиты, позвякивал сотейниками, что-то ворчал под нос. Из подвала тянуло холодом.

Лёша готовил зал. Он снял стулья со столов, расставил их по местам. Протёр стойку влажной тряпкой, убрал засохшее пятно от сиропа возле кассы. Открыл на проветривание окно у входа, и в зал потянуло утренней сыростью. Потом вытер подоконники – на них всегда оседала мелкая пыль, липкая, как сахарная пудра.

У столика у окна он задержался. Провёл по столешнице сухой ладонью. Дерево было тёплым, с вытертым до блеска краем – в том месте, куда парень обычно клал локоть. Лёша смотрел на эту потёртость и вдруг поймал себя на том, что не хочет её затирать.словно это было единственное, что осталось от него в зале, кроме пустого стула.

Он вернулся за барную стойку, снял фартук и бросил его на соседний стул. Сел. Телефон сам лёг в руку. Рилсы пошли чередой – быстрые, чужие, громкие. Лёша листал их без интереса, просто чтобы занять глаза. В зале было так тихо, что он слышал, как на кухне капает кран.

Дверь открылась. Не хлопнула, не скрипнула. Просто потянуло сквозняком.

Лёша поднял голову.

Девушка вошла и на мгновение замерла у входа. Высокая, статная, с прямой шеей и узкими плечами. Пальто тёмно-синее, с поясом, завязанным небрежно, как будто она сделала это уже на ходу. Шарф приглушённо-серый, с длинной бахромой. Волосы убраны в тугой пучок, из которого у виска выбилась одна тонкая прядь. В ней чувствовалась порода – не та, что от денег, а та, что от внутреннего стержня. Такие женщины не суетятся, не поправляют одежду, не оглядываются по сторонам.

Но шла она тяжело. Медленно переставляя ноги, будто каждое движение давалось через силу. Она не рассматривала зал. Она смотрела только в угол.

К тому самому столику.

Лёша выключил телефон и сунул его в карман. Он хотел подняться, но не стал – было в её движении что-то, что не позволяло вмешиваться.

Девушка подошла к столу. Остановилась. Постояла немного, глядя на пустой стул. Потом сняла перчатку – только с правой руки – и провела кончиками пальцев по краю столешницы, от угла до середины. Едва касаясь. Как трогают вещь, которая принадлежала ушедшему человеку: осторожно, чтобы не спугнуть остатки тепла.

Затем села. Не на его место. Сбоку, почти у стены. Сумку поставила на пол, привалила к ножке стула.

Лёша подошёл. Положил меню. Она не взглянула. Тогда он сделал шаг назад, но не ушёл.

Он стоял рядом, перекатываясь с пятки на носок, и не знал, куда деть руки. Внутри билось одно: спросить – или не лезть. Наконец девушка подняла на него глаза.

В них было столько всего, что Лёша на секунду забыл, зачем подошёл. Не грусть – а тихое, высушенное изнутри смирение. Так смотрят люди, которые пришли туда, где когда-то были счастливы, и уже не надеются, что это вернётся.

– Вы знали его? – спросил он.

Голос вышел сдавленный, почти чужой.

Она улыбнулась. Не «мягко», не «одними уголками губ». Просто улыбнулась – чуть-чуть, словно вопрос Лёши оказался неожиданно точным.

– Знала. И не знала одновременно.

Она снова провела по столу, теперь уже ладонью, как по шерсти заснувшего зверя.

– Мы часто разговаривали. Он был мне как наставник. Хотя сам, наверное, так не думал. Понимаете... он не давал советов в лоб. Просто задавал вопросы. А потом молчал. И в этой тишине вдруг становилось ясно, что делать. Имени его я до недавнего времени не знала. И не знала, нужна ли была помощь ему. Он всегда был бодрый. Приветливый. Мог пошутить. Мог спросить про какую-нибудь ерунду, и от этого день менялся. Я приходила сюда по субботам в том числе ради этих разговоров.

Она провела пальцем по вытертому краю стола.

– Самое глупое, – добавила она тише, – что я даже не знала, можно ли ему чем-то помочь. Он никогда не жаловался.

Лёша сглотнул.

– Я хочу написать о нём книгу.

Девушка подняла взгляд. Не удивилась. Скорее задумалась, будто прикидывала что-то про себя.

– Книгу, – повторила она шёпотом, и это слово повисло между ними, как дым.

Потом медленно кивнула.

– Хорошо. А что нужно от меня?

– Расскажите, как вы познакомились. И чем он вам помог.

Она посмотрела на Лёшу долгим, изучающим взглядом.

– Принесите его любимый кофе.

В меню эта позиция шла без пояснений. Просто строка: «его любимый». Те, кто работал давно, не переспрашивали. Это был напиток, который парень пил в любую погоду: томлёное молоко, два эспresso, ложка солёной карамели, кардамон на кончике ножа. Кофе подавали в высокой глиняной кружке без ручки, тёплой, будто только из печи. Пахло от него одновременно сладко ипряно, как от бабушкиной выпечки, но с горчинкой после глотка.

Лёша отошёл к бару, сделал заказ. Кофемашина зашипела. Запах кардамона поплыл по залу, смешиваясь с утренним холодом.

Девушка сидела у окна. Она положила руки на стол и смотрела на улицу, где не было ни дождя, ни солнца – только серый воздух и редкие прохожие. Лёша глянул на неё из-за стойки. В её позе было что-то одновременно усталое и решительное.

Когда кофе был готов, он принёс кружку. Девушка обхватила её ладонями, не глядя. Кончики пальцев у неё были ледяные, несмотря на тёплое кафе.

– Присядьте, – сказала она.

Лёша взял стул и сел не напротив, а чуть сбоку. Так, чтобы видеть и её, и окно, и пустое место за столом.

Она сделала глоток. Поморщилась – не от вкуса, а от воспоминания, которое оказалось сильнее, чем она ждала.

– Это было в ноябре, – начала она.

И замолчала.

Только кружка тихо стукнула о стол, когда она поставила её перед собой.

– Я тогда работала в архитектурном бюро. Ну, как работала... – она усмехнулась. – Скорее выживала. Молодая, злая, уставшая. Начальник орал так, что у меня к вечеру начинало звенеть в ушах. Всё, что я делала, было не то. Не так. Не быстро. Не так, как он хотел. Я приходила сюда по субботам, садилась вон за тот стол, ближе к бару, раскрывала ноутбук и делала вид, что у меня полно работы. А сама сидела и ненавидела.

Она говорила спокойно, но в голосе проступала старая, уже пережитая усталость.

– Он заметил. Не то чтобы я как-то привлекала внимание. Просто он, по-моему, всё замечал. Однажды, когда я в очередной раз с силой закрыла ноутбук, он обернулся. Спросил, всё ли в порядке. А я вдруг возьми и выпали: «Всё, увольняюсь».

Она сделала паузу. Пальцы скользнули по ободку кружки.

– Я ждала, что он начнёт отговаривать. Или, наоборот, поддержит: «Да, бросай». Но он не сделал ни того, ни другого. Посмотрел на меня внимательно и спросил: «А что бы вы сделали, если бы не боялись?»

Лёша вспомнил свой разговор с ним. Как тот спросил: «Вам не шибко нравится эта работа». Не осуждая. Просто видя насквозь.

– Я сначала рассмеялась, – продолжала девушка. – Говорю: «В каком смысле?» А он пожимает плечами: «Ну вот просто. Если бы не страх, не начальник, не обстоятельства. Что бы вы сделали?» Я что-то пошутила. Не помню. А вопрос застрял.

Она отпила ещё глоток.

– Мы стали разговаривать. Не то чтобы каждую неделю. Когда я приходила, он кивал. Иногда что-то спрашивал. Про работу, про проекты, про то, что мне нравится. Он умел слушать. Не поддакивать, а именно слушать. И задавать вопросы, после которых внутри что-то сдвигалось.

– Например? – не удержался Лёша.

– Например, однажды он спросил: «Вам больше нравится, когда вас хвалят, или когда вы сами понимаете, что сделали хорошо?» Я задумалась. И поняла, что последнее случается так редко, что я уже не помню, как это – самой быть довольной. Всё мерилось чужой оценкой.

Девушка подняла взгляд на окно. За стеклом всё так же висело ровное серое небо.

– Через несколько таких разговоров я вдруг осознала: я бегу не от работы. Я бегу от страха, что не справлюсь. Что меня разоблачат. Что я на самом деле бездарна. А он ни разу не сказал «увольнитесь» или «останьтесь». Ни разу. Только вопросы. Но после них мне почему-то становилось спокойнее.

Она сделала паузу. Лёша заметил, что она снова погладила край стола.

– Через полгода я получила повышение. А ещё через некоторое время ушла в другую компанию. Теперь я ведущий дизайнер. Меня зовут в проекты по всему городу. Смешно, да? А всё началось с того, что какой-то парень в кафе спросил, что бы я сделала, если бы не боялась.

Она перевела взгляд на Лёшу.

– Но это ещё не всё.

Он насторожился.

– Примерно полгода назад он попросил меня сделать небольшой проект. Бесплатно, для души. Это кафе. Здесь он любил бывать часто. Он сказал, что место уже хорошее, но ему не хватает чего-то. Чего именно – он объяснить не мог. Просил, чтобы я просто прошла по залу, посидела у окна, вдохнула. И предложила, что можно улучшить, не трогая главного.

Лёша быстро оглядел зал. Тёплые бра с латунными абажурами, вытертое дерево, полки с книгами у дальней стены. Он всегда думал, что так было всегда.

– Вы сделали этот интерьер? – спросил он.

– Не весь. Только часть. Освещение, расстановку столов, кое-какие детали. Хозяин согласился. Сказал: «Раз этот парень просит, делай». Я переделала свет – раньше он был холодный, неприятный. Добавила латунь. Убрала два стола, чтобы между столиком у окна и залом оста-

лось больше воздуха. Повесила крючки для сумок, поставила лампу на подоконник. Мелочи. Но именно они сделали кафе теплее. Самое странное, он сам оплатил эти изменения, и не принял компенсацию от владельца. Он тогда сказал, что это место ему дороже денег.

Она впервые за весь разговор улыбнулась по-настоящему – открыто и немного грустно.

– Он сказал, что хочет, чтобы здесь было уютно не только ему. Чтобы людям, которые заходят случайно, становилось чуть легче. Как было ему.

Она замолчала. Лёша тоже не знал, что сказать.

За окном начал накрапывать дождь. Тонкий, несерьёзный, но стекло сразу покрылось мелкими каплями.

– Я так и не узнала, что с ним, – тихо добавила девушка. – Но когда увидела в новостях... точнее, когда услышала от знакомых... я пришла сюда. Глупо, да? Пришла, как будто он снова будет здесь. В субботу. У окна.

Она вытерла пальцем каплю, стекшую по стенке кружки.

– Его нет. Но я всё равно ему должна. Понимаете? Это не вернуть. Но можно сохранить.

Лёша молчал. Он смотрел на неё и думал, сколько же таких людей, возможно, сидит сейчас по всему городу с ощущением, что один и тот же человек оставил в них свет.

– Я хочу, чтобы вы написали эту книгу, – сказала она. – Я пришла сюда не случайно. Если нужна моя история – возьмите её. Но только пишите правду. Без прикрас. Он был обычный. И в этом всё.

Она допила кофе, поставила кружку ровно по центру стола. Потом встала, поправила шарф и достала из сумки небольшую визитку. Протянула Лёше.

– Если будут вопросы – позвоните. Или напишите. Только, пожалуйста, не делайте из него святого. Он бы не хотел.

Она ушла так же тихо, как пришла. Только дверь мягко закрылась, и в зале снова стало пусто.

Лёша остался сидеть за столиком. Дождь за окном разошёлся сильнее. Капли теперь били по подоконнику, и в этом звуке было что-то успокаивающее.

Он посмотрел на визитку. Прочитал имя. Длинное, красивое, с незнакомой фамилией. Потом перевёл взгляд на пустую кружку. На столешницу с вытертым краем. На тёплый свет латунных бра.

И подумал, что кафе, в котором он работает, – тоже чей-то дневник. Просто пишут его не на бумаге, а светом, деревом и воздухом.

Человек-сеть

День тянулся долго.

После утреннего разговора с той девушкой Лёша всё ходил по залу и ловил себя на том, что постоянно смотрит на столик у окна. Будто ждал, что за ним снова кто-то сидит. Но зал наполнялся обычными посетителями: пара с ребёнком, женщина с книгой, двое мужчин в деловых костюмах. Они ели, пили, разговаривали. А Лёша работал на автомате – принимал заказы, разносил тарелки, улыбался, когда было надо.

Мысль о девушке не отпускала. Точнее, не о ней самой. О том, как она коснулась стола. Как сказала: «Я так и не знала, нужна ли помощь ему». И как ушла, оставив после себя визитку и тихое ощущение, что всё в этом кафе связано невидимыми нитями.

К вечеру Лёша устал. В зале оставалось два столика, но он уже не думал о гостях – мечтал добраться до дома, лечь и не шевелиться.

Когда последний посетитель вышел, он начал прибираться. Перевернул стулья, протёр подоконники, убрал со столов салфетки. За окном стемнело. В кафе горел только тёплый свет над дальней частью зала, и от этого всё вокруг казалось декорацией к чьему-то недосмотренному сну.

За окном мелко моросил дождь. Капли стучали по карнизу, и в их монотонном шорохе было что-то гипнотическое. Лёша выключил кофемашину, вытер стойку последний раз и уже собирался снять фартук, когда дверь мягко скрипнула.

Он обернулся.

На пороге стоял парень. Совсем молодой. Лет девятнадцать, не больше. Худой, с рюкзаком на одном плече, в растянутом сером свитере и кедах, которые явно знавали лучшие времена. В руке он сжимал зарядный кабель, будто всю дорогу куда-то бежал. Дышал сбивчиво. На лбу блестела испарина.

– Простите, мы уже закрылись, – начал Лёша.

Но парень сделал шаг вперёд, и в его взгляде было что-то такое, что Лёша не договорил.

– Я знаю, – сказал парень. – Я специально пришёл к закрытию. Мне нужен владелец кафе.

Лёша опустил тряпку на стойку. Несколько секунд они просто смотрели друг на друга. В зале было тихо, только дождь шелестел по стёклам.

– Зачем вам владелец? – спросил Лёша.

Парень заметно смутился. Переложил рюкзак с одного плеча на другое, оглянулся, будто хотел убедиться, что за дверью никого нет. Потом выдохнул:

– Это кафе любил один человек. Он стал мне лучшим другом. Я – маркетолог. Ну, почти. Учусь. И я хочу помочь с продвижением этого места. Бесплатно. Ну, не то чтобы совсем бесплатно, мне для диплома нужен проект. Но я не денег просить пришёл.

Он говорил сбивчиво, будто боялся, что его перебьют. И от этого было в нём что-то очень искреннее. Не отрепетированное.

Лёша смотрел на него внимательно. Потом медленно поднял руку и указал на столик у окна.

– А тот ваш друг... он сидел всегда там?

Парень проследил за его рукой. И молча кивнул.

Лёша ничего не ответил. Он развернулся, включил кофемашину и начал готовить «его любимый» – томлёное молоко, два эспрессо, ложка солёной карамели, кардамон. По залу поплыл тёплый, пряный запах. Он смешивался с дождём, с остывшим воздухом, с усталостью. И в этом запахе было что-то почти домашнее.

– Это за счёт заведения, – сказал Лёша, ставя кружку перед ним. – Присядем.

Они сели за столик недалеко от бара. Лёша – напротив. Парень обхватил кружку ладонями, но пить не спешил. Он смотрел в неё, как смотрят в воду, в которой видишь не отражение, а что-то дальше.

– Я хочу написать о нём книгу, – сказал Лёша. – Собираю истории людей, которым он помог. Вы не против, если я расспрошу вас?

Парень снова кивнул. Он не удивился. Скорее насторожился, но не от вопроса – от того, что кто-то всерьёз относится к тому, что для него самого было важно.

– Расскажите, как вы познакомились.

Парень отпил кофе. Задумался. И начал рассказывать.

– Я тогда был в полной заднице, – сказал он просто. – Не в том смысле, что бедствовал. Просто не понимал, кто я.

Он говорил, глядя в кружку, но время от времени поднимал глаза на Лёшу, будто проверял, не смеётся ли тот.

– Я всегда всё начинал и бросал. Серьёзно. Гитара – научился играть, выучил пару песен, бросил. Программирование – через полгода писал код для своих задач. Потом надоело. Кулинария, фотография, японский... Всё быстро, всё с азартом. И всё мимо.

Он невесело усмехнулся и потёр ладонью шею.

– Родные меня пилили: «Остановись на чём-то одном. Ты разбрасываешься. У тебя каша в голове». Я и сам начал верить, что со мной что-то не так. Что я ленивый. Ветреный. Несерьёзный.

Он провёл пальцем по ободку кружки. Лёша заметил, как у него дрожат руки. Не от холода. От воспоминаний.

– Однажды я сидел здесь, за этим же столом, и что-то смотрел в телефоне. Не помню уже. Просто было паршиво. А он сидел у окна. Я его знал как завсегдатая, мы даже иногда перекидывались парой слов. И тут он вдруг спросил: «А что вы всё время начинаете?» Я сначала не понял. А он говорит: «Вы же не работаете, а начинаете. Я вас уже какой месяц вижу. То вы с ноутбуком, то с учебником, то с камерой. Вам, наверное, интересно всё сразу?»

Парень усмехнулся – уже теплее.

– Ну, я и рассказал. Что не могу выбрать. Что все ругают. Что я разбрасываюсь. А он посмотрел на меня и говорит: «Это не разбрасывание. Это мультипотенциал. Вы человек-сеть». Я тогда чуть со стула не упал. Впервые кто-то не сказал «возьми себя в руки», а назвал то, что со мной происходит, не болезнью.

Он сделал паузу. Потом продолжил:

– Он объяснил, что у меня иначе устроено мышление. Что я не вижу жизнь как прямую линию. Что для меня важна не цель, а сам процесс открытия. Мне нужен момент, когда что-то щёлкает. Когда понимаешь: «Работает!» А дальше – уже скучно. И в этом нет ничего плохого.

Лёша слушал, не перебивая. Перед глазами у него вставали собственные сомнения, с которыми он жил последние годы.

– Он сказал, что мой главный дар – соединять, – продолжал парень. – Тащить знания из одной области в другую. Видеть связи, которые не видят те, кто всю жизнь копает вглубь. И что прогресс – это не всегда глубина. Иногда – неожиданный поворот. Вопрос: «А что будет, если соединить это и это?»

Он замолчал. Потом тихо добавил:

– Он сказал: «Если ты такой – не слушай тех, кто говорит остановись. Ты не сломанный специалист. Ты человек-сеть. И это редкий дар».

Парень поднял глаза на Лёшу.

– Я пошёл в маркетинг. Там как раз нужно всё: и аналитика, и психология, и тексты, и визуал. И впервые за долгое время я не бросил. Не потому что заставил себя. А потому что там можно быть собой. Он мне это объяснил. Не приказом. Просто разговором.

Лёша откинулся на спинку стула. В голове крутились слова: «человек-сеть», «не бояться быть новичком», «получать кайф не от статуса мастера, а от момента, когда пазл складывается». Это было так похоже на то, что он сам когда-то чувствовал, но не умел назвать.

– Подождите, – сказал он. – Я, кажется, нашёл у него похожую запись.

Он потянулся за блокнотом, который теперь всегда носил с собой. Пролистнул несколько страниц, пробежал глазами по торчащим салфеткам, по неровным вкладышам. И нашёл.

Почерк был тот же. Чуть быстрее, чем в первой записи, как будто писалось на ходу.

Сегодня говорил с парнишкой. Он снова сидел с новой книгой. То макроэкономика, то история фотографии. Родные его пият за непостоянство. А я смотрел на него и думал: он не разбрасывается. Он живёт.

Есть люди-сети. Они как паутина: каждая нить тянется в свою сторону, и вместе это держит сильнее, чем одна толстая верёвка. Такие люди не выбирают одно. Они пробуют мир на ощупь. Учатся не ради диплома, а ради самого щелчка в голове: понял, работает, дальше!

Им говорят: «Остановись». А зачем? Они и есть движение. Они соединяют. Видят стыки. На этих стыках рождается новое. Не когда копаешь вглубь, а когда смотришь вишьрь.

Не надо их лечить. Надо просто не мешать.

Лёша дочитал и поднял глаза.

Парень сидел, отвернувшись к окну, и молчал. В глазах у него стояла влага, но он не плакал. Просто дышал глубоко, будто снова услышал того, кого уже не вернуть.

– Это он, – тихо сказал парень. – Точно он. Я так и не узнал, как его зовут. А он запомнил.

Лёша закрыл блокнот. Они сидели в пустом кафе, за окном шёл дождь, и тёплый свет латунных бра отражался в тёмном стекле.

– Вы можете мне с продвижением? – сказал Лёша. – Но сначала я хочу узнать о нём всё, что знаете вы.

Парень кивнул. И улыбнулся – впервые за весь разговор.

Дождь всё так же стучал по карнизу, мелкий, нудный, как застрявшая в голове мысль.

– Он вообще был... незаметный. Но если его замечал – уже не мог забыть.

Лёша слушал. Он хотел запомнить всё. Не только слова, но и как парень щурится, как трогает кружку, как тихо дышит, будто боится спугнуть воспоминание.

– А браслет у него на руке был? Я никак не могу вспомнить, – неожиданно спросил Лёша. Он сам не понял, откуда у него возник этот вопрос, но в тот момент для него это стало важнее, чем все остальное.

– Тонкая чёрная нитка? – парень оживился. – Постоянно. Я как-то спросил, что она значит. Он не сразу ответил. Потом сказал: «Память о человеке, которого я больше не встречаю». И всё. Я не стал лезть. Это было личным.

Парень на секунду замолчал. Потом добавил:

– Знаете, я ведь его не так уж долго знал. По-настоящему. Но были моменты, которые до сих пор перед глазами.

– Расскажите, – попросил Лёша.

– Однажды у вашей уборщицы сломалась заколка. Она такая, смешная, с искусственным цветком. Тётя Люба её очень любила. И вот утром заколка сломалась, а она весь день ходила расстроенная. Волосы падают, мешают. Она их платком подвязала. А он сидел у окна и всё видел. Вечером, когда её смена закончилась, на её столике лежала новая заколка. Почти такая же. Чуть лучше. Никто не знал, откуда.

Парень сделал паузу и посмотрел на Лёшу.

– А я видел. Он зашёл в зал, когда никого не было. Огляделся. И положил. Просто положил на угол столика. И ушёл. Как будто это не он.

Лёша почувствовал, как в груди что-то сжалось. Не грусть. Скорее нежность. Та самая, которая приходит, когда узнаёшь о человеке что-то очень хорошее и очень тихое.

– Он не любил, когда его благодарят, – добавил парень. – Если кто-то начинал, он тут же переводил разговор. Про «не за что» я от него вообще не слышал. Он говорил: «Это не я. Это место такое».

Лёша невольно улыбнулся.

– И вы тоже так думаете?

Парень покачал головой.

– Нет. Я думаю, это он. Просто он не хотел, чтобы вокруг него было шумно.

Они помолчали. В пустом зале горел только один светильник над барной зоной, и от этого тени лежали на полу длинными полосами. Пахло кофе, дождём и остывшим воздухом.

– Вы спрашивали про мою историю, – сказал парень тише. – А я вот сейчас думаю: может, он и со мной так же. Не как с той заколкой. А как с человеком, которому просто нужно было, чтобы кто-то сказал: «Ты не сломан». И он сказал. Не громко. Но так, что я поверил.

Он поднял глаза на Лёшу.

– Если вы напишете книгу, будет правильно отразить такие мелочи, как заколка...

Лёша кивнул.

– Я потому и собираю истории. Чтобы понять, за что его так все любили...

Они просидели ещё немного. Парень допил кофе, поставил кружку на стол. Потом вдруг спросил:

– А можно я ещё приду? Не к владельцу. Просто так.

– Конечно, – сказал Лёша.

– Я бы хотел помочь с кафе. Но только если вам это не мешает.

– Не мешает.

Он встал, закинул рюкзак на плечо. У двери обернулся.

– Спасибо, что не выгнали.

Лёша усмехнулся.

– Спасибо, что пришли к закрытию.

Парень улыбнулся. И вышел в дождь.

Лёша остался в зале один. Он посидел ещё немного у столика, потом выключил свет. На улице капли уже не били по карнизу, а мягко ложились на асфальт, как будто дождь тоже устал.

Он взял блокнот, провёл ладонью по обложке. Внутри было больше, чем записи. Там начинала проступать жизнь.

Комната внутри

Лёша проснулся раньше будильника.

Было ещё темно, но не той ночной темнотой, что давит, а предутренней, жидкой, когда предметы в комнате уже начинают угадываться. Он полежал, глядя в потолок, потом сел. Спать не хотелось. В груди было беспокойно, как перед экзаменом, о котором забыл.

Он оделся, не включая свет. Джинсы со вчерашнего стула, свитер, куртка. Блокнот взял со стола – просто потому, что рука сама к нему потянулась. В последние дни он не расставался с ним даже дома.

На улице пахло мокрым асфальтом и мокрыми листьями. Ночью прошёл дождь, но к утру тучи разошлись, и небо очистилось до прозрачной, почти стеклянной голубизны. Солнце ещё только поднималось из-за домов, и свет был косой, низкий, он выхватывал из улиц отдельные детали: ржавую решётку на окне, лужу у бордюра, велосипед, пристёгнутый к столбу.

Лёша шёл, сунув руки в карманы. Куртка у него была лёгкая, и утренний холод пробирался за ворот. Но это было даже приятно – будто холод не давал снова уснуть.

Парк открылся перед ним внезапно, без ворот. Просто кончились дома, и началась аллея. Липы стояли мокрые, с листьями, уже тронутыми по краям ржавчиной. На дорожках блестели лужи. Ветер был слабый, но верхушки деревьев тихо шумели, будто переговаривались.

Он выбрал скамейку у клумбы. Она была ещё сырая, но Лёша всё равно сел. Под ладонями дерево было холодным и шершавым, кое-где облупилась краска. Он вытянул ноги и посмотрел перед собой.

Парк только просыпался. Пара голубей клевала что-то у урны. Прошла женщина с собакой – пёс тянул поводок, и она едва поспевала. Где-то далеко, за деревьями, проехал трамвай, и звук его прокатился по аллее, как медленная волна по гладкой водной глади.

Лёша сидел и смотрел. Ничего не делал. Просто дышал. В такие минуты мысли приходят сами. Без спроса.

Он вспомнил вчерашний разговор. Студент, который пришёл к закрытию. Его слова: «Если его замечал – уже не мог забыть». И перед Лёшей снова встал тот, о ком он теперь думал почти постоянно.

Каким надо быть, чтобы так оставаться в людях? Ведь парень не сделал ничего такого, что можно было бы описать в героической биографии. Не вытаскивал из огня. Не дарил квартиры. Не читал лекций. Он просто сидел у окна, пил свой странный кофе с кардамоном и иногда с кем-то говорил. Но этого хватало. И это не укладывалось в голову.

Лёша перевёл взгляд на блокнот, лежавший на коленях.

Потёртая обложка, заломы, пятно от кофе. Внутри – чужая жизнь. И он всё ещё не знал, как к ней подступиться, с чего начать книгу? Он открыл блокнот наугад, в надежде, что найдет подсказку. Из него выпал листок, сложенный втрое. Лёша не сразу заметил, как тот скользнул вниз, – поймал уже у самой земли. Развернул.

Лист был пожелтевший, с неровным краем. Исписан мелко, строчки шли вверх, как будто писал на весу, может, в метро, может, на подоконнике.

Есть книги и вселенные, которые не просто читаешь. Они вырастают. Становятся линзой, через которую смотришь на мир.

«Цитадель». Дерево растёт против ветра, а не по ветру. Про ответственность не как бремя, а как форму свободы. Экзюпери не даёт ответов. Он задаёт вопросы. И ты сидишь с ними, как с углями в ладонях.

«1984». Не про политику. Про комнату внутри тебя. Про способность думать свои мысли. Оставаться собой, когда всё вокруг требует быть функцией.

«О дивный новый мир». Про комфорт, который усыпляет. Про свободу, которую отдаёшь добровольно, потому что так приятно не думать.

Mass Effect. Не про космос. Про выбор и цену. Про людей, с которыми идёшь, даже если мир рушится.

Warcraft. Не про орков. Про одержимость, которая превращает героя в чудовище. Про предупреждение.

Всё это – про выбор. Не между добром и злом. А между правдой и покоем. Между собой настоящим и собой удобным.

Это опоры. Когда штормит – я возвращаюсь к ним. Не перечитывать. Просто вспомнить: дерево растёт против ветра, комната внутри всё ещё моя, комфорт может быть ловушкой, а выбор – есть. Всегда есть.

Лёша дочитал. Не сразу. Пару раз перечитал... Потом сложил листок и сунул обратно в блокнот. Утренний свет стал теплее. Тени от деревьев легли поперёк дорожки, а голуби уже куда-то улетели. Появились люди в парке...

А Лёша... Лёша был в своей «комнате внутри».

Вёл бы парень блог, у него были бы тысячи подписчиков. Такие тексты не пылятся в блокнотах. Они собирают людей, которые узнают в них себя. Но он не вёл. Не кричал. Не превращал мысли в контент.

И от этого становилось то ли восхитительно, то ли жутко.

Лёша снова вспомнил всех, кто говорил о нём. Вера. Серёга. Девушка-дизайнер. Студент. Все они произносили примерно одни и те же слова: «спокойный», «внимательный», «он слушал». Но за этими словами стояло что-то большее. Не навык общения. Не техника. А внутренний стержень.

И вот теперь, читая этот листок, Лёша впервые подумал не о том, кем парень был, а о том, сможет ли он сам написать о нём так, чтобы не убить.

Этот страх был не громким. Он не метался лихорадочно, но сидел где-то под рёбрами, как холодный ком. Стоило представить пустой лист, как ком начинал расти.

Одно дело – слушать истории, и совсем другое – превращать их в текст. Чтобы читатель не просто узнал: «был такой парень», а чтобы почувствовал, каково это – сидеть рядом с ним, когда за окном дождь. Чтобы услышал его молчание. Чтобы не захотел листать дальше, потому что боится спугнуть.

Лёша не умел так писать. Либо ему так казалось. Он закрыл блокнот. Провёл ладонью по обложке. Та нагрелась от солнца и стала почти тёплой.

– Справлюсь, – сказал он тихо, одними губами.

Но сам же и не поверил.

Однако где-то внутри, под этим «не поверю», уже начинало зреть: а если попробовать? Не ради того, чтобы доказать, а потому что кто-то должен.

Парк жил своей жизнью. Листья шумели, где-то гомонили дети. Лёша встал, сунул блокнот под мышку и пошёл обратно к метро. Он всё ещё не знал, с чего начать. Но теперь это было не так страшно. Главное, что он решился... Книга будет написана.

Возвращённые награды

Утро в кафе начиналось с запаха. Кофемашина ещё не была включена, но из кухни уже тянуло тёплым – свежей выпечкой, молоком, чем-то сладковатым. Вера возилась с тестом, Артём нарезал сыр. Из зала было слышно, как на плите тихо булькает сотейник.

Лёша любил это время. Первый час до открытия – самый спокойный. Когда зал ещё пуст, стулья стоят ровно, а на столах нет ни крошек, ни чужих следов. Всё как будто ждёт.

Он прошёл вдоль окон, проверил, не осталось ли разводов на стёклах. Поправил салфетки, разложил меню, протёр подоконники. Потом прошёлся по залу с тряпкой – не потому, что было грязно, а чтобы нигде не осталось лишнего. Лёша всегда так делал: убирал не то, что видно, а то, что ещё только могло появиться.

У столика у окна он остановился. Поправил стул, поставил его ровно. Посмотрел, как свет падает из окна на вытертый край столешницы. В этом месте оставался едва заметный след – будто кто-то очень долго клал сюда локоть. Лёша не стал его трогать.

Он отошёл на кухню, чтобы забрать чистые полотенца. Всего на пару минут. Когда вернулся, в зале уже был посетитель.

Высокий, сутуловатый, в сером пальто с каракулевым воротником. Шёл он медленно, чуть шаркая, но держался прямо. Не опирался на трость, хотя было видно, что каждый шаг даётся ему с усилием. Он не оглядывался, не искал свободный стол. Он шёл через весь зал к углу. К тому самому столику.

Лёша замер за стойкой.

Старик подошёл к столику у окна, остановился. По-стариковски, покопался в кармане, достал что-то и положил на середину стола... конфетку. Маленькую, в золотистом фантике. Потом отступил на шаг, будто проверяя, не упадёт ли, и сел за соседний стол.

Лёша какое-то время не двигался. В этом жесте было столько достоинства и тихой памяти, что ему стало неловко приближаться. Но он всё же подошёл.

– Доброе утро, – сказал он мягче, чем обычно.

Старик поднял на него выцветшие, но живые глаза.

– Доброе.

– Что вам предложить?

– Чай. Чёрный. И что-нибудь простое. Печенье у вас, помню, было хорошее.

– Сейчас принесу.

Лёша обслужил его быстро, но без суеты. Принёс чай в толстой кружке, тарелку с печеньем, салфетку. Поставил всё так, чтобы старику было удобно. Ни одного лишнего жеста.

Когда он снова подошёл, то не удержался:

– Простите, можно один вопрос?

Старик отпил чай, посмотрел на него с лёгким любопытством.

– Вы знали того парня? Ну, который всегда сидел у окна.

Дед опустил кружку. Лицо его стало мягче.

– Знал, – сказал он.

И улыбнулся. Но улыбка вышла горькой, с тенью.

– Тяжело, когда старики переживают молодых, – проговорил он. – А особенно таких. Он был... светлый человек. Рядом с ним спина сама выпрямлялась.

Лёша не знал, что ответить. Стоял с полотенцем через плечо и слушал.

– А как вы познакомились? – спросил он.

Старик помолчал, глядя в окно. Потом повернулся к Лёше.

– Вы, наверное, торопитесь. Работа.

– Я успею.

Дед кивнул. Взял печенье, но есть не стал, просто держал в пальцах.

– Я живу в соседнем доме. Вон там, за углом. Год назад внук мой в аварию попал. Время на сбор денег не было. Сумму назвали – я чуть с кровати не упал. Врачи сказали: если не заплатить сразу, могут не взяться. А у меня, кроме наград, ничего ценного и не было.

Он сделал паузу, разломил печенье надвое.

– Я сдал их в ломбард. Все. Отдал. Чувствовал себя... ну, неважно. Главное, внука спасли. А награды – что ж. Я так себе говорил: это всего лишь железо. Память-то во мне. А потом вышел на улицу, сел на скамейку возле вашего окна. И сидел как пустой.

Лёша не перебивал.

– И тут вышел он, – продолжал дед. – Ваш парень. Тихо так вышел, встал рядом. Не спрашивал ничего. Просто сел. А меня вдруг прорвало. Не знаю почему. Я ему всё рассказал. Про внука. Про ломбард. Про войну. Он слушал так, будто я ему самое важное на свете рассказываю. А потом сказал: «Спасибо вам. За всё». Вы понимаете? Не «ничего», не «держитесь». А «спасибо вам». Я заплакал. Впервые за много лет.

Он снова отпил чай. Рука не дрожала.

– Вечером ко мне постучали. Стоит хозяин ломбарда. Мялся, прятал глаза. Говорит: «Совестно мне ваши награды у себя держать». И приносит всё. До одной. Я растерялся. А он объясняет: пришёл человек, выкупил всё, а деньги оставил. Говорит, не надо их брать. Пусть останутся у настоящего владельца.

Лёша уже догадался.

– Он, – тихо сказал он.

Дед кивнул.

– Я потом его не раз у окна видел. Говорил с ним. Хотел деньги вернуть. А он наотрез. «Ваши подвиги, – говорит, – в разы ценнее. Не выдумывайте».

Старик покачал головой.

– У него, знаете, даже браслет чёрный на руке был. Как нитка. Я спросил как-то. Он сказал: «Память о человеке, которого больше не встречу». И всё. Больше не говорил.

Они помолчали.

– А конфета-то зачем? – негромко спросил Лёша, кивнув на столик у окна.

Дед усмехнулся.

– Он однажды угостил меня такой. Сказал, что такие в его детстве бабушка покупала. Вот, решил. Пусть лежит. Вдруг он и правда видит.

Лёша сглотнул. В горле стало тесно.

– Я хочу написать о нём книгу, – сказал он. – Можно будет прийти к вам, поговорить подробнее?

Старик посмотрел на него долго, внимательно.

– Приходи, – сказал он. – Я теперь почти всё время дома. Внук выздоровел, слава богу. Заходи, расскажу.

Он допил чай, поднялся. Оставил под кружкой несколько купюр – больше, чем стоил заказ.

– Сдачи не надо.

Лёша хотел возразить, но дед лишь махнул рукой.

– Это не за чай. Это за то, что у вас тут до сих пор его место.

И ушёл так же медленно, как пришёл. Только теперь, кажется, идти ему было чуть легче.

Лёша подошёл к столику у окна. Конфета лежала на середине. Золотистая, тёплая от света. Он поправил её так, чтобы лежала ровно. И оставил.

Я всё сам

Лёша зашёл домой затемно.

Снял куртку, не глядя бросил на табурет, включил свет только в комнате. Хотел было пойти на кухню, но не дошёл. Есть не хотелось. Внутри было пусто и гулко, как это бывает после долгой смены, когда уже не разберёшь, устал ты или просто оглох от людей.

Он сел на пол у стены и вытянул ноги. Спина нашла холодный бетон, и от этого стало чуть легче – будто холод забирал лишнее, вместе с теплом перегретого тела. Перед ним лежал блокнот.

Лёша не открывал его сразу. Сначала просто смотрел на обложку, на вытертый угол, на тёмное пятно у корешка. Это стало своего рода ритуалом. В комнате стояла та тишина, от которой звенит в ушах. Только холодильник шумел за стенкой да в вентиляции постукивало.

Минуту спустя он открыл его. Записи пошли подряд. Он читал не по порядку, а как открывалось. Он не понимал, почему он читает именно так. Иногда выхватывал взглядом отдельные слова. Иногда зависал на полях, где были рисунки – мелкие, неразборчивые, не то горы, не то графики. Однажды нашёл расписание электричек. В другой раз – чек из аптеки, сложенный вдвое.

Потом увидел запись, которую до этого не замечал. Она была на отдельном листке, вложенном между страниц. Почерк неровный, с сильным нажимом. Кое-где ручка прорывала бумагу.

Я опять не попросил о помощи.

Хотя знал, что надо. Знал, что уже не вывожу. Что ещё немного – и просто встану посреди улицы и не смогу идти дальше. Но не попросил.

Всю жизнь так. С детства. Сложности? Справлюсь. Проблемы? Решу сам. Устал? Ничего, отдохну, когда закончу. Я не жалуюсь. Не грузю других. Я же сильный. Я же справлялся всегда. И сейчас справлюсь.

И правда, всегда справляюсь.

А потом наступает момент, когда ресурс заканчивается. Я не слабый. Просто... я не машина. И у меня есть предел. Физический. Эмоциональный. Психический. И если не пополнять бак, однажды встаю посреди дороги. С пустым баком. С ощущением, что всех подвёл. Хотя на самом деле подвёл только себя.

Где я этому научился? Наверное, рано. В детстве, когда просить было бесполезно или стыдно. Когда открылся – и получил в ответ равнодушие. Когда понял: проще сделать самому, чем объяснять. И выстроил вокруг себя крепость. Назвал её «я сам». И живу в ней. Только вот это не крепость. Это клетка.

Я не даю другим шанса быть рядом. Быть полезными. Быть нужными. Я лишаю маму права быть мамой, друзей – возможности помочь. Я лишаю их близости. Мне тяжело признать и сказать: «Мне тяжело. Я не вывожу. Помогите».

Не могу. Не умею. И те, кому я дорог, ждут. Они видят, что я устал. Предлагают помощь. Но я говорю: «Нет, я сам». И они отступают. Я не пускаю.

Самое трудное – сделать первый шаг. Сказать: «Мне нужна помощь». Не когда всё рухнуло. А в обычный день. Когда ты просто устал.

Просить о помощи – не стыдно. Но я не могу...

Я хочу это сказать. Но не знаю как.

Лёша оторвал взгляд. В комнате было темно. Свет падал только на страницы и на его руки. Только сейчас он почувствовал, что пальцы замёрзли, но он не встал. Он вдруг понял, что сидит на полу уже, наверное, час. Или больше. Время смазалось.

Всё, что писал парень, было и про него самого. Не буквально, но по ощущению. Лёша тоже не умел просить. Он не умел этого. Тоже улыбался, когда было плохо... говорил «я справлюсь», хотя порой хотелось, чтобы кто-то просто посидел рядом.

Он перевернул страницу. Следующая запись была короче.

Иногда мне кажется, что я не живу, а терплю. Вроде все хорошо, но я от всего устал. Даже от хорошего. Я улыбаюсь людям, разговариваю, шучу. А внутри – выжженное поле. И я не знаю, когда это началось. Может, я всегда так жил, просто не замечал. А теперь не могу не замечать.

Депрессия – странная штука. Она не орёт. Она говорит шёпотом: «не сегодня», «потом», «останься дома», «зачем». И ты соглашаешься. Потому что очень устал.

У меня есть всё. Друзья, работа, цели. Но внутри так, будто я иду с камнем на груди. Никому не говорю. Зачем? Они не поймут. Скажут: «соберись», «не выдумывай», «у тебя всё хорошо». А мне не нужно это слышать. Не хочу... Мне нужно, чтобы кто-то просто был. Без советов. Без «лечись». Просто был.

Но я опять никого не пускаю.

Лёша закрыл глаза. Ему стало не по себе. Не оттого, что это грустно. А оттого, что слишком знакомо. Будто парень писал не только о себе, но и о нём. И о половине людей, которые сидят в кафе с чашкой кофе и смотрят в окно.

Он продолжил читать. Дальше записи становились всё более сбивчивыми. Слова короче, паузы длиннее. Иногда вместо фраз – обрывки.

Отец болен. Опять. Врачи говорят: «срочно». Я нашёл деньги. Не важно как. Важно успеть. Лечение тяжёлое. Он держится. А я... я не знаю, кто из нас больше устал. Я всё время рядом. В больницу, домой, снова в больницу. Мама плачет по ночам. Я слышу. А утром говорю ей, что всё будет хорошо. Я сам в это уже не верю. Как ему сказать? Как сказать отцу, что я...

Запись обрывалась. Лёша перевернул страницу. Потом ещё одну. Он искал продолжение, которого не было. Несколько пустых страниц, какие-то чеки, салфетка с пятном кофе. И только в самом конце, на разлинованном листе, смятом и после разглаженном, снова несколько строк.

Я не боюсь умереть. Я боюсь, что не успею.

Отцу я пока ничего не сказал. Пусть сначала вылечится. Пусть наберётся сил. А потом... потом я приду и всё расскажу.

Только бы он понял. Только бы не винил себя.

Лёша сидел на полу, сжимая блокнот в руках.

Он не знал, что именно случилось с парнем. Вернее, конец он знал, но не знал причины. Но теперь понимал: всё это время, когда тот сидел у окна, улыбался, пил кофе, помогал людям, – он носил внутри «невозможное». И у него не было ни одного человека, которому он мог бы сказать об этом.

В горле стоял ком. Лёша хотел заплакать, но не смог. Вместо этого он встал, подошёл к окну и распахнул его. В комнату ворвался ночной воздух – холодный, с запахом мокрой листвы.

Он стоял и дышал. Долго. Пока не стало чуть легче. Потом вернулся к блокноту. Положил ладонь на обложку.

– Ты всё-таки не смог попросить, – прошептал он. – Даже этого.

И Лёша впервые подумал: а ведь он сам – такой же.

Портрет

Лёша сел за стол... за старый письменный стол у окна, который давно служил складом для кружек, проводов и прочего, до чего не доходили руки. Он сгрёб всё в сторону, освободил место. Достал из рюкзака блокнот парня. Рядом положил свой – обычный, в клетку, купленный в переходе за сто рублей. И ручку.

Ему нужны были заметки. Всё, что он узнавал о парне, начинало путаться. Истории людей, обрывки дневника, запахи кафе, дождь, разговоры. Чтобы писать книгу, нужно было превращать это в систему. Хотя бы в опорные точки, от которых будет развиваться сюжет.

Он открыл свой блокнот на чистой странице и сверху написал:

«Книга. Первое приближение»

Потом подумал и добавил:

«Не биография. Не сборник добрых историй. Скорее попытка понять, как человек становится таким, что его не забывают»

Он откинулся на спинку стула. Проговорил написанное вслух. Звучало слишком пафосно. Зачеркнул. Оставил только первую строку.

Потом взял блокнот парня и начал листать в поисках чего-то интересного. Между чеками, салфетками и какими-то мятыми листками Лёша увидел сложенный вдвое лист в клетку с каким-то портретом.

С рисунка смотрела девушка.

Карандашный портрет. Лёгкий, но точный. Линии были прорисованы так точно и изящно, что казалось это почти фотография. Живая фотография. Чуть наклонённая голова, мягкая линия скул, распущенные волосы, в уголках губ – едва уловимая улыбка. Такая, будто она только что хотела что-то сказать, но передумала. Глаза... настолько красивые и с блеском, что казалось, будто они смотрят прямо в душу.

Внизу – номер телефона.

Лёша несколько секунд смотрел на рисунок. Потом перевернул страницу.

Я не должен был её впускать. Но она вошла сама. Тихо, без стука. Просто стала частью всего.

Мы начали встречаться. Это было как воздух после долгой болезни. С ней я впервые за долгое время не притворялся. Не держал лицо. Не был «сильным». Я был просто человеком. И она принимала меня таким.

А потом я всё оборвал. Сам. Сказал, что так будет лучше. Что мне нужно время. Что я не хочу её обременять. Она не поняла. Ругалась. Плакала. Говорила, что я дурак и что нельзя решать за двоих.

Может, она была права. Но я не мог иначе.

Я удалил все контакты. Потом сидел и смотрел в стену. А потом записал её номер сюда. На всякий случай. Вдруг когда-нибудь...

Лёша дочитал. Перечитал ещё раз. Потом открыл свой блокнот и сделал первую заметку: *«Он умел любить. Но боялся быть обузой. Даже с ней. Особенно с ней»*

Посидел, подумал. Добавил: *«Он не решал за неё. Он решал за своё чувство вины. Это разные вещи»*

Потом ещё: *«Поэтому он помогал другим? Так он оставался нужным, но не близким? Безопасная дистанция?»*

Лёша перечитал написанное. Ему не понравилось, но он обрадовался. Впервые он не просто жалел парня. Он пытался его понять. Разобрать, как механизм. Найти те детали, которые делали его таким.

Он снова посмотрел на номер. Потом достал телефон. Не для того, чтобы звонить. Просто держал в руке.

Он понимал, что этот номер – ниточка к человеку, который знал парня иначе. Ближе, чем все остальные. Возможно, единственная, кто видел его не за столиком, а рядом. В жизни. Без маски.

Лёша внёс номер в заметки. Со звездочкой. И подписал: *«не звонить сгоряча»*. Но рука сама потянулась к вызову.

Он набрал... Гудок. Второй. Третий. Лёша сидел, прижав телефон к уху, и смотрел на рисунок. Четвёртый. Пятый. На шестом – сброс.

Можно выдохнуть. Не от обиды. Скорее от понимания, что всё не так просто. Этот номер мог быть уже неактуален. Или девушка просто не берёт незнакомых. Или... Так много «или» в голове.

Он снова набрал. На этот раз без паузы. Гудок. Ещё один. Потом щелчок: «Абонент временно недоступен или отключён. Попробуйте позвонить позже».

Лёша положил телефон на стол. Открыл блокнот. Написал: *«Он оставил её номер в дневнике. Значит, не хотел отпускать до конца. Но и не позвонил. Не успел? Не решился?»*

Перечитал. Потом добавил: *«Если она перезвонит, это будет другой разговор. Если нет – я пойму. Но я должен попытаться ещё»*

Лёша не стал звонить третий раз. Вместо этого открыл сообщения и написал коротко: *«Здравствуйте. Я нашёл блокнот одного человека. Возможно, Вы его знали... Ваш номер был внутри, как и портрет карандашом. Я пишу о нем книгу. Если появится интерес, напишите... Пожалуйста...»* Он не стал расписывать. Не стал извиняться. Просто отправил.

Телефон остался лежать на столе. Экран погас. А Лёша сидел над двумя блокнотами и впервые чувствовал, что книга перестала быть идеей. Она стала работой. Медленной, тяжёлой, но настоящей. Всю ночь он кропотливо записывал все, что узнал про этого парня, пытаясь не упустить ни одной детали.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.